

Юйда Гомао — один из немногих пятизвездочных отелей Чжэнчжоу, и цены здесь кусались.

Когда Линь Чжигао учился в школе, это была самая обычная государственная старшая школа. Классных взносов за три года не хватило бы даже на то, чтобы накрыть здесь скромный стол на всех. Но так уж совпало, что отец одного из одноклассников работал в этом отеле управляющим. Он и устроил ребятам отличную скидку, так что после недолгих совещаний старостат вместе с классным руководителем решили: выпускному вечеру быть именно здесь.

Позвонить и пригласить Линь Чжигао — идея самого классного руководителя. И не только его: он одновременно пригласил и Сунь Чжэньчжэнь.

Сунь Чжэньчжэнь, дочь директора школы, которая во втором полугодии десятого класса перевелась в другую школу. Первая любовь Линь Чжигао.

Намерение классного руководителя было простым и искренним: он считал, что даже если они ушли посреди учебы, они всё равно остаются частью класса.

Вот только у остальных бывших одноклассников мысли разбегались в куда более интригующих направлениях. Прошло полтора года, но никто из них не забыл ни Линь Чжигао, ни Сунь Чжэньчжэнь.

В банкетном зале, зарезервированном для их праздника, уже собралось больше десятка человек. Они пришли пораньше, чтобы разузнать, кто куда поступил, но постепенно разговор свернул на совершенно иную тему.

— Слышали, Лао Бань позвал и Линь Чжигао, и Сунь Чжэньчжэнь? — спросил один из парней.
— Как думаете, к чему это?

Другой хмыкнул:

— С чистотой помыслов нашего классного он точно не пытается их свести. Наверное, просто позвал за компанию. Но толку-то? Лично я сомневаюсь, что они вообще придут.

— Тогда такой скандал прогремел, — вмешалась староста. — Ладно наша школа, в Чжэнчжоу об этом на уровне старших классов не знал только ленивый. Сунь Чжэньчжэнь жутко самолюбивая, она точно не покажется.

— А Линь Чжигао? — снова спросил первый.

Собеседники посмотрели на него как на дурака.

— У тебя вместо мозгов каша, что ли?

— Да ладно вам! Я же просто спросил.

Второй одноклассник со смесью зависти и восхищения протянул:

— Если бы я стал такой звездой, на кой чёрт мне эти детские посиделки? К тому же мы с ним особо и не ладили. Думаешь, Чжигао не злопамятный? Встреть мы его сейчас на улице, он бы на нас даже не взглянул.

— Кто бы мог подумать, что он станет футбольной звездой... Просто уму непостижимо, как люди устраиваются.

— Моя мама до сих пор каждому встречному с гордостью заявляет: «Мой сын два года назад учился в одном классе с самим Линь Чжигао!»

— И моя!

— О, и моя тоже!

— Помню, когда мы сидели за одной партой, я учился куда лучше. Мама, встречая его мать на рынке, вечно хвасталась моими оценками. Мне даже неловко становилось. А теперь, когда он стал фигурой масштаба Яо Мина, мама про оценки и не вспоминает. Пару месяцев назад вообще потащила меня сдавать какие-то тесты по физкультуре — вдруг у меня тоже талант к футболу откроется.

— Странно всё это. На физкультуре он несчастные восемьсот метров еле пробежал, задыхался. А тут недавно смотрел трансляцию по CCTV — боже, как он носится по полю! Чудо какое-то.

Тут первый парень закашлялся, прерывая общую болтовню. Все уставились на него, а тот заговорщически подмигнул и зашептал:

— Тихо вы! Смотрите, Сунь Чжэньчжэнь пришла!

Пара десятков пар глаз мгновенно уставились на дверь. Одета с иголочки, эффектная Сунь Чжэньчжэнь замерла на пороге. На секунду её лицо окаменело, но она быстро взяла себя в руки, натянула вежливую улыбку и поздоровалась:

— Всем привет!

В воздухе повисла неловкость — всё-таки только что обсуждали её за глаза. Чтобы разрядить обстановку, Сунь Чжэньчжэнь спросила:

— Я не опоздала?

— Нет-нет, что ты! Классного руководителя ещё нет, так что ты вовремя.

К ней сразу подошли несколько девчонок, с которыми она раньше неплохо общалась.

Остальные заговорщически переглядывались, сбиваясь в кучки и шепотом гадая:

— Раз уж она пришла, как думаешь, Линь Чжигао явится?

— Навряд ли. Они теперь птицы разного полёта.

Один из парней украдкой покосился на Сунь Чжэньчжэнь и негромко заметил:

— Всё-таки наша первая красавица хороша. Слушайте, а как думаете, директор школы сейчас не кусает локти?

Ребята переглянулись и обменялись двусмысленными ухмылками.

К огромному удивлению собравшихся, Линь Чжигао всё-таки пришёл. Причём бок о бок с классным руководителем.

Когда они, весело беседуя, вошли в банкетный зал в сопровождении официанта, у половины одноклассников челюсти отвисли от изумления.

У некоторых, впрочем, глаза сразу загорелись фанатским восторгом.

Всего собралось пятьдесят семь учеников и шесть учителей — накрыли восемь столов. Линь Чжигао не стал садиться с бывшими одноклассниками. Вежливо, но довольно прохладно поздоровавшись со всеми, он занял место за учительским столом, по правую руку от классного руководителя.

За остальными столами шёл непрерывный шёпот. Кто-то радовался, кто-то завидовал, а кто-то демонстративно строил из себя чистоплюя, делая вид, что ему глубоко плевать.

Но отрицать очевидное было глупо: Линь Чжигао притягивал к себе взгляды, словно мощный магнит.

Классный руководитель сиял ярче всех. Когда-то он возлагал на Чжигао большие надежды, мечтая, чтобы тот поступил в престижный университет. Его исключение из школы сильно расстроило учителя. Кто мог подумать, что всего через несколько месяцев этот способный парень вернётся на экраны всей страны, да ещё так триумфально?

Когда классный руководитель впервые наткнулся на имя Линь Чжигао в газетах, его ученики как раз вошли в изнурительную пору подготовки к выпускным экзаменам. Он глазам своим не поверил. И лишь когда статьи начали пестрить деталями, а дотошные репортёры раскопали название их школы, учитель окончательно осознал: его бывший подопечный теперь знаменит на весь мир.

Остальные учителя испытывали похожие чувства. Знакомство со знаменитостью льстит любому обывателю, а уж если эта знаменитость сидела за твоей партой... Несмотря на то, что Линь Чжигао прославился в футболе, учителя обхаживали его с такой нежностью и гордостью, будто это они лично поставили ему этот сокрушительный удар.

— У вас, профессиональных футболистов, отпуск ведь больше двух месяцев? Чем сейчас занимаешься? — добродушно поинтересовался классный руководитель.

— Самостоятельно учу итальянский, — честно ответил Линь Чжигао. — В следующем месяце уезжаю в Турин. Там почти все говорят на итальянском, с английским будет тяжело.

Тут в разговор с энтузиазмом вмешался учитель английского:

— Я отлично помню, как в десятом классе у тебя хромал английский, ты даже простейшие диалоги читал с запинкой. А тут недавно наткнулся в сети на твоё интервью британскому телевидению — боже, какой чистый лондонский акцент! Просто блеск! — Он уважительно поднял большой палец.

Линь Чжигао смущённо улыбнулся:

— Просто когда попадаешь в языковую среду, деваться некуда, само собой как-то заговорилось.

Сидевшие за соседним столом отличники, которые расслышали этот разговор, переглянулись с довольно сложным выражением лиц. Это были гордость класса, те, кто усердно зубрил учебники и поступил в лучшие вузы страны, а самый успешный из них пробился в Пекинский университет.

Подобные разговоры велись не только здесь. Родители этих ребят тоже прекрасно знали, кем стал Линь Чжигао, и не упускали возможности погреться в лучах чужой славы. При каждой встрече со знакомыми они как бы невзначай бросали: «Слышали про Линь Чжигао? Да-да, про того самого! Мой оболтус с ним в одном классе учился, дружили крепко. Чжигао-то по учёбе вечно за ним плёлся, а теперь вон как поднялся!»

Для этих юношей и девушек, привыкших быть в центре внимания благодаря своему уму и пророчащих себе великое будущее, ситуация была крайне болезненной. Раньше хвалили только их, а теперь все лавры достались парню, который когда-то списывал у них домашку.

"Хм, ну и что, что он отлично пинает мяч? Всё равно ведь остался неграмотным увальнем"

Они лелеяли свою спесь годами и не могли в один миг признать превосходство другого. Но когда до их ушей донеслось, что этот самый «увальень» свободно изъясняется с изысканным лондонским выговором и вовсю осваивает итальянский, их хрупкое эго дало глубокую трещину.

После того как классный руководитель поднял бокал и произнёс трогательную речь, банкет объявили открытым.

За столами зашумели, потекли разговоры, ребята начали пересаживаться, чтобы поболтать со старыми друзьями, но то и дело косились на виновников негласного торжества.

Первый сюрприз ждал их под конец застолья, когда в зал вошла вереница официантов с огромными тарелками свежих фруктов — по одной на каждый стол.

Один из парней удивлённо приподнялся:

— Погодите, мы же не заказывали фруктовую нарезку? — Это был тот самый парень, чей отец работал управляющим.

Вскоре в дверях показался и сам отец в строгом костюме. Приветливо улыбаясь, он обратился к залу:

— Фрукты — это подарок от нашего генерального директора. И ещё: администрация отеля делает вашему классу скидку в пятьдесят процентов на весь сегодняшний банкет. Генеральный лишь скромно надеется сделать памятное фото с господином Линем, если тот не возражает.

Пятьдесят пар глаз тут же скрестились на юноше за учительским столом.

Линь Чжигао поднял голову, спокойно посмотрел на управляющего и кивнул:

— Без проблем. Передайте мою благодарность вашему руководству.

— Вот и славно! Чуть позже вам подадут десерты за счёт заведения. Приятного вечера! — Управляющий с поклоном удалился.

Когда ужин близился к концу, к столу робко подошла молоденькая официантка в традиционном ципао. Заливаясь румянцем, она пролепетала:

— Простите... можно с вами сфотографироваться?

Линь Чжигао отложил салфетку и улыбнулся:

— Конечно.

Её коллега тут же подскочил с фотоаппаратом и сделал несколько кадров, после чего они, рассыпаясь в благодарностях, поспешили уйти.

Заметив это, классный руководитель спросил у класса:

— Ребята, у кого с собой фотоаппараты?

— У меня! — Тут же зашумели со всех сторон. — У меня телефон на двенадцать мегапикселей!

— А у меня зеркалка!

Учитель взял у кого-то камеру, и преподаватели один за другим начали фотографироваться с Линь Чжигао. Глядя на это, самые смелые из учеников перебороли неловкость и тоже потянулись к его столу:

— Линь Чжигао, а с нами сфоткаешься?

Прошло полтора года, и все старые школьные обиды и глупые дразги казались Линь Чжигао такой мелочью, что он даже не думал о них вспоминать. Это не было великодушием в чистом виде — скорее, разница в масштабах личности. Взрослый человек не станет таить злобу на приятеля из детского сада за то, что тот когда-то отобрал у него конфету.

Поэтому он дружелюбно кивнул:

— Без проблем. Сделаем общее или по отдельности?

— Давайте сначала все вместе, а потом каждый по очереди! — радостно предложил кто-то.

Линь Чжигао не отказал никому.

К концу вечера он успел сфотографироваться буквально с каждым. Праздник удался на славу. Учителя закрывали глаза на то, что парни потихоньку прикладывались к спиртному. Линь Чжигао тоже поднял несколько тостов за здоровье наставников, но, разумеется, остался

абсолютно трезв.

Стоя на крыльце отеля, Линь Чжигао помахал рукой отъезжающему такси с классным руководителем и уже собирался поймать машину для себя, как вдруг его окликнули.

Он обернулся и увидел Сунь Чжэньчжэнь.

Чуть поодаль группа одноклассников, собиравшихся уезжать, заметила их и тут же отпустила своего водителя, решив задержаться ради столь пикантного зрелища.

Сунь Чжэньчжэнь была всё так же хороша. Нежная, хрупкая — за эти два года она почти не изменилась, в точности как в его воспоминаниях.

Линь Чжигао небрежно взъерошил волосы:

— Что-то случилось?

— Мы... мы можем поговорить? — Она прикусила нижнюю губу. На её щеках играл лёгкий румянец — то ли от смущения, то ли от выпитого бокала вина.

— Думаю, нам не о чем разговаривать, — Линь Чжигао засунул руки в карманы и пристально посмотрел на неё. — Или ты хочешь рассказать мне что-то новое?

Тогда, когда её родители настояли на переводе, а его с треском выставили из школы, они оба бунтовали против системы и тайком созванивались. Но юношеский пыл быстро угас. Сунь Чжэньчжэнь не нашла в себе сил пойти против воли родителей — видимо, первая любовь оказалась не такой уж крепкой. В их последнем разговоре она лишь тихо прошептала: «Прости».

Плачущая навзрыд юная девушка тогда казалась воплощением искреннего раскаяния. Ей казалось, что она разрушила его жизнь и сломала карьеру, поэтому она поклялась никогда больше не попадаться ему на глаза, стараясь поскорее затянуть эту уродливую рану на сердце.

Поскольку Сунь Чжэньчжэнь молчала, Линь Чжигао развернулся, собираясь уходить.

Жёлтый автомобиль увёз юношу в ночную прохладу, оставив девушку наедине со своими слезами.

Наблюдавшие за сценой одноклассники тут же зашептались. Один из парней, когда-то тайно

вздыхавший по школьной красавице, вздохнул: «Эх, как же красиво она плачет...» Другой же цинично усмехнулся: «Когда-то её папаша сломал парню жизнь, вышвырнув его из школы, а теперь, когда тот вернулся триумфатором в сиянии славы, она захотела всё вернуть? Ишь, раз мечталась, прямо как в дешёвой мелодраме».

Но жизнь — не кино. У каждого свой путь, и если две параллельные прямые однажды разошлись, они больше никогда не пересекутся.

Для болельщиков летнее межсезонье — это скучные два месяца без любимого зрелища. Но для клубов и футболистов это время, когда разворачиваются самые настоящие сражения, пусть и без единого выстрела.

Трансферный рынок гудел. Клубы спешно избавлялись от балласта, охотились за именитыми новичками или просто пускали пыль в глаза, сбивая с толку конкурентов. Игроки клялись в вечной верности своим командам перед объективами телекамер, пока их агенты за закрытыми дверями вели переговоры с более щедрыми покупателями.

Интриги вне футбольного поля порой захватывали зрителей куда сильнее самих матчей, особенно когда дело касалось звёзд первой величины.

Первая трансферная бомба разорвалась на линии Мадрид — Милан: «Милан» предложил «Реал Мадриду» сорок миллионов евро за возвращение Кака.

Логика боссов итальянского клуба была предельно проста: финансовое положение «Милана» оставляло желать лучшего, и сорить деньгами они не могли. Но усиливать состав было необходимо, причём игроками проверенными, адаптированными к Серии А. И тут их взор обратился на Кака, которого они сами же продали несколько лет назад.

Бразилец провёл на стадионе Сан-Сиро свои лучшие годы, завоевал все возможные трофеи и безупречно вписывался в тактические схемы. В «Реале» же под руководством Моуринью он так и не стал ключевой фигурой, демонстрируя лишь блёклую тень своей прежней игры. Вернуть его за полцены, разыграв красивую драму о «блудном сыне» — идеальный пиар-ход для руководства «Милана».

Однако реальность оказалась куда прозаичнее.

В 2008 году Кака перебрался в Мадрид за рекордные шестьдесят пять миллионов евро. И эти четыре года в Испании стали для него периодом затяжного спада. Всё началось ещё в его последний сезон на «Сан-Сиро», когда боссы «Милана», выжимая из игрока максимум ради будущей выгоды, заставляли его выходить на поле с недолеченными травмами. Они обеспечили ему сиюминутный триумф, но наградили букетом хронических проблем со здоровьем.

В итоге в «Реал Мадриде» Кака так и не смог выйти на пик формы, за что испанская пресса безжалостно окрестила его «главным провалом в истории клуба». И теперь главный тренер «Милана» Массимилиано Аллегри лично обещал бразильцу место в основе и возрождение былого величия. Захочет ли Кака вернуться в родную гавань или предпочтёт остаться в Мадриде?

Ответ лежал на поверхности. Сам футболист категорически отказывался возвращаться в Италию. Несмотря на шквал критики и статус «дорогущего балласта», Кака раз за разом повторял, что счастлив в «Реал Мадриде» и не планирует менять клубную прописку.

Его супруга Каролина Селико активно поддерживала мужа в соцсетях, заверяя подписчиков, что их семье очень нравится жизнь в Испании и уезжать они не собираются.

Почему Кака так упорно цеплялся за Мадрид, не желая возвращаться в клуб, сделавший его обладателем «Золотого мяча» — тайна за семью печатями. Но если позиция игрока была предельно ясна, то руководство «Реала» вело себя весьма двусмысленно.

На прямой вопрос журналистов о возможной продаже полузащитника президент «Реала» Флорентино Перес отрезал:

— Чтобы «Милан» забрал Кака с «Сантьяго Бернабеу» всего за сорок миллионов? Исключено!

Флорентино не сказал, что игрок не продаётся, но недвусмысленно намекнул, что итальянцы откровенно скряжничают. Ещё бы: продать игрока за шестьдесят пять миллионов, а потом пытаться забрать обратно за сорок — слишком хитро даже для прожжённых дельцов Серии А.

Пресса тут же запестрела заголовками о том, что, несмотря на нежелание самого бразильца, руководство «сливочных» активно ищет покупателя на его трансфер.

И всё же Кака остался в «Реал Мадриде».

Многие считали, что решающее слово осталось за Жозе Моуринью. Португальский специалист пользовался безграничным доверием руководства, ведь именно на него возлагали миссию по свержению «Барселоны» с футбольного олимпа. Особенный питал к Кака профессиональную симпатию, приложил немало усилий для его восстановления, и игра бразильца действительно постепенно шла на поправку.

Флорентино Перес, не желая портить отношения с Моуринью, прислушался к его мнению. И первая трансферная сага лета сошла на нет.

Вторая информационная бомба взорвалась из-за одной неосторожной фразы, спровоцировав

настоящую войну между мадридскими и каталонскими таблоидами.

В центре скандала, как обычно, оказались вечные соперники — «Реал Мадрид» и «Барселона».

«Золотая бутса» сезона 2011/12 вновь досталась Криштиану Роналду. Португалец примерил эту награду уже в третий раз: ранее он завоёвывал её в сезонах 2007/08 и 2010/11.

В феноменальной результативности португальца никто не сомневался, но споры разгорелись из-за того, что буквально на пятки ему наступал Лионель Месси, отставший всего на один балл в зачёте.

Болельщики сине-гранатовых кусали локти. «Барса» в том сезоне собрала почти все командные трофеи, оставив «Реал Мадриду» лишь скромное утешение в виде Кубка короля. Да и в личных наградах Месси уверенно обходил португальца, заслужив три «Золотых мяча» подряд.

В плане командных достижений и народной любви Криштиану явно проигрывал скромному аргентинскому гению. Но в гонке бомбардиров португалец оказался сильнее, что послужило для него слабым утешением.

И некоторые радикально настроенные фанаты «Барселоны» решили во что бы то ни стало уколоть самолюбие португальца. Во время церемонии вручения «Золотой бутсы» они выстроились вдоль красной дорожки и принялись оглушительно скандировать имя Месси прямо в лицо Роналду.

Острый на язык португалец не стал сдерживать эмоций и на пресс-конференции ледяным тоном заявил репортёрам:

— Любой, кто действительно разбирается в футболе и любит эту игру, ценит мой талант. А те, кто выкрикивает чужие имена — просто психи.

Это заявление послужило детонатором. Каталонские газеты тут же разразились гневными тирадами, обвиняя Криштиану в высокомерии и неуважении к публике. Мадридские издания не остались в долгу, развернув масштабную кампанию в защиту своего лидера и клеймя фанатов «Барсы» за неспортивное поведение и откровенное бескультурье.

Словесная дуэль гремела на протяжении всего лета, развлекая футбольный мир в отсутствие матчей.

Пока на вершинах футбольного олимпа бушевали страсти, в окружении Линь Чжигао тоже происходило немало интересного.

Во-первых, Нил Уорнок окончательно рассорился с владельцем «Куинз Парк Рейнджерс» и покинул пост главного тренера. Он возглавил клуб Чемпионшипа «Кристал Пэлас» — команду, хорошо знакомую китайским болельщикам по выступлениям Сунь Цзихая и Фань Чжи.

Во-вторых, Ди Джей Кэмпбелл за четыре с половиной миллиона евро перебрался в стан набиравшего обороты «Ньюкасла». К Джею Ботройд тоже проявляли интерес сразу несколько клубов, но в этот момент у директоров «Кью-Пи-Ар» наконец-то проснулись зачатки здравого смысла. Они осознали: если после продажи двух ключевых игроков и ухода главного тренера они лишатся ещё и капитана, клуб можно будет просто закрывать.

Да и сам Ботройд всем сердцем прикипел к команде, с которой прошёл огонь и воду. Клуб предложил нападающему выгодный контракт с повышением зарплаты, и тот с радостью согласился остаться.

В середине июля, за месяц до старта нового сезона, футболисты начали возвращаться из отпусков. Впереди их ждали медицинские тесты, изнурительные тренировки и предсезонные турне.

Линь Чжигао в сопровождении Цзян Шупэна вылетел в Турин.

Перед отъездом он набрал номер Джона Элканна, чтобы лично сообщить о своём трансфере, но в ответ услышал спокойное:

— Идиот, неужели ты думаешь, что я не в курсе сделок собственного клуба?

— Мог бы и пораньше мне сказать! А я тут, между прочим, всю голову сломал, думая, как преподнести тебе новость о переходе в «Ювентус»!

— ... И чего же ты от меня хочешь?

— Как чего? Конечно же, искать покровительства! — картинно запричитал Линь Чжигао. — Ты же там главный босс. Будь добр, присмотри за мной. Я ведь в Турине совсем один, ни связей, ни денег — чистый лист, сиротинушка неприкаянная...

Элканн не выдержал и рассмеялся:

— Ладно-ладно, уговорил. Объявляю тебя Королём Нового Делле Альпи!

— Ну, это уж слишком, — притворно поскромничал Линь Чжигао. — Мне бы просто... ну, если я вдруг где-нибудь накосячу, чтобы ты меня прикрыл. Договорились?

В трубке раздался мягкий смешок:

— А разве я тебе когда-нибудь отказывал?

<http://bllate.org/book/18232/1765034>